

И.В. Чернова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
просп. Мира, 55, Омск, 644077, РФ
E-mail: ChernovaIV@omsu.ru

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И ХОЗЯЙСТВА НАСЕЛЕНИЯ РУССКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ В XVIII–XX вв. НА ПРИМЕРЕ ДЕРЕВНИ АНАНЬИНО

Статья посвящена характеристике возможностей изучения истории и вопросов формирования и развития хозяйственных комплексов старожильческих населенных пунктов в Омском Прииртышье в XVIII–XX вв. по объединенным информационным данным письменных, картографических и этнографических источников. Основным объектом исследования выбрана несуществующая ныне деревня Ананьино, изучение которой дало возможность преодолеть проблему фрагментарности коллективной памяти в случаях исчезновения единого сообщества. В работе приводится характеристика места обитания представителей данного сообщества и его границ. Относительно четкая локализация позволяет уточнить характер связей между населением д. Ананьино и близлежащих населенных пунктов. Сопоставление письменных и этнографических материалов дает возможность выявить степень влияния внешних факторов на развитие основных отраслей хозяйства у старожильческого населения исследуемого района, а также определить место и роль земледелия, животноводства и промысловой составляющей в структуре хозяйства. Параллельно описывается процесс поиска и анализа источниковой базы в рамках локальных междисциплинарных исследований. Материалы показывают важную роль государственной фискальной политики в развитии всех сфер хозяйственного комплекса в XVIII–XX вв.: под ее воздействием оформились состав промыслового инвентаря, представленный в источниках, социально-экономическая стратификация населения, большую часть которого в XVIII–XIX в. составляли категории служилого населения. Кроме того, источники свидетельствуют, что несмотря на обилие ярмарок и активный товарооборот, осуществляемый населением Тары, жители Ананьино активного участия в торговле не принимали. Материалы показывают также возникновение специализации отдельных хозяйств в XVIII — первой половине XIX в., что повлияло на миграционные процессы в ходе расселения жителей Ананьино после исчезновения деревни.

Ключевые слова: хозяйство русского населения Западной Сибири, Омское Прииртышье, русские старожилы, локальные исследования.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-118-126

История хозяйственного освоения и развития Западной Сибири уже много лет является актуальной темой в гуманитарных исследованиях. Однако исследователям нередко приходится работать с отрывочными сведениями, особенно при изучении истории населенных пунктов, прекративших свое существование. Один из таких объектов — русская старожильческая деревня Ананьино, расположенная на территории современного Тарского района Омской области. Начиная с 2005 г. здесь под руководством Л.В. Татауровой ведутся археологические работы. Интерес к данному населенному пункту связан с близостью его к г. Таре, а также с пересечением сфер исследований С.Ф. и Л.В. Татауровых. С.Ф. Татауров в 2004 г. проводил разведывательные работы по правому берегу р. Иртыша в рамках изучения населенных пунктов русских и татар, описанных Г.Ф. Миллером при его путешествии по Иртышу 1734 г., в результате которых и было обнаружено местоположение деревни. Л.В. Татауровой к этому времени был накоплен огромный опыт археологических изысканий русских старожильческих поселений (Бергамак-I и Изюк-I) [Крих, Чернова, 2015]. Наличие архивных и опубликованных материалов по данному и схожим памятникам позволяло осуществить сравнительный анализ. Чуть позже, при интерпретации полученных данных, возникла идея комплексного изучения деревни.

Одно из наиболее ранних упоминаний о деревне содержится в дозорной книге Тарского уезда 1623/1624 гг. На протяжении XVII–XIX вв. ее история тесно связана с представителями семей старожилов, происходивших от тарских стрельцов Поповых, Неупокоевых, Мосеевых и Скуратовых, которые в процессе установления хозяйственных и семейных связей определяли

О возможностях изучения истории и хозяйства населения русских старожильческих поселений...

вектор развития населенного пункта [Крих, 2014b, с. 87]. Последнее упоминание о деревне относится к 1896 г. В «Списке селений, входящих в состав Логиновской волости» относительно данной деревни обозначено, что «жители все выселились в д. Заливину и по другим местам» [Крих, 2016, с. 81]. Переселение жителей Ананьино, завершившееся в основном к концу 80-х гг. XVIII в., осуществлялось семейными кланами: первыми к концу 1780-х гг. уезжают Поповы, в середине XVIII в. в д. Евгацину и Шуеву перебираются Мосеевы, между 1763 и 1782 гг. из Ананьино уезжают Неупокоевы, в числе последних деревню покидают Скуратовы [Крих, 2014b].

Причины переселений в источниках не нашли отражения, однако можно предположить, что здесь важную роль сыграли хозяйственная деятельность и наметившаяся специализация, обусловленная в том числе сословным положением жителей Ананьино, близость тракта в сочетании с большей доступностью города на новых местах жительства и сложившиеся семейно-брачные связи.

В изучении д. Ананьино на начальном этапе важную роль играл анализ археологических материалов и архивных данных, позволяющих раскрыть сюжеты этносоциальной и семейной истории. Среди источников XVII–XIX вв. преобладают данные учета населения (дозорные, таможенные и метрические книги, ревизские сказки), а также делопроизводственная документация, которые выступают в качестве генеалогических источников и одновременно служат источниками для реконструкции бытовых и экономических условий жизни населения.

В рамках реконструкции на начальном этапе важным вопросом становится определение «локуса» — места обитания представителей данного сообщества и установление его границ. Четкая локализация необходима прежде всего для уточнения связей, сложившихся между населением исследуемой деревни и близлежащих населенных пунктов. С этой целью были осуществлены поиск и отбор карт, имеющих отношение к северной части Омского Прииртышья XVIII–XIX вв., в результате была обнаружена карта Тарского уезда 1825 г., позволяющая визуализировать местонахождение указанного населенного пункта [Крих, Чернова, 2015, с. 231]. Карта четко демонстрирует местонахождение д. Ананьино, позволяет выявить природно-географические условия (близость водоемов, частично — наличие болот, особенности рельефа и т.п.), расстояние до соседних населенных пунктов и уездного центра, наличие и структуру земельных угодий (на ней обозначены границы земельных владений инородцев), охарактеризовать этнический состав населения близлежащих населенных пунктов.

Как видно из документа, в этот период д. Ананьино находилась в окружении татарских юрт Рухлар (Верхние юрты), Речап, Аптиш и Атак. На противоположном берегу Иртыша она соседствовала с русскими деревнями Заливиной, Красноперовой, Черняевой, Кореновой и Бородинной, куда чуть позже частично переехали и жители Ананьино. Также в непосредственной близости от нее располагались Екатерининский винокурный завод и кожевенный завод К. Нерпина [РГИА, ф. 380, оп. 33, д. 149]. Подтверждение приведенных сведений обнаруживается в письменных источниках. В фонде Второго Сибирского комитета сохранилось упоминание, относящееся к 1851 г., о том, что в 6 верстах от д. Ананьино находился Екатерининский казенный винокурный завод [РГИА, ф. 1265, оп. 1, д. 63]. Здесь же, в связи с обозначением границ казенной дачи завода, указан социальный состав населения прилегающих населенных пунктов: «к даче прилегают следующие смежные землевладения: бухарцев и ясажных татар <...> Аялынской волости, государственных крестьян д. Ананиной Логиновской волости, <...> жителей города Тары и земля свободная, принадлежащая казне» [Там же, л. 36].

Описывая основные проблемы, связанные с соседством лесной дачи и сельских поселений, чиновники сетуют на то, что «крестьяне, начиная опаливать свои поля по принятому здесь обыкновению для урожая хлеба и трав, нисколько не стараются окапывать их со всех сторон...» [Там же, л. 36 об.]. Этот сюжет, помимо важности земледелия в структуре хозяйственного комплекса населения д. Ананьино, свидетельствует о сохранении элементов залежной и залежно-паровой систем земледелия, обозначенных в более ранних источниках.

Для характеристики более ранних этапов существования деревни были привлечены дозорные книги Тарского уезда 1623/24 г. и 1701 г. [Крих, 2014b, с. 87–88]. Более детальные сведения, позволяющие реконструировать хозяйственный комплекс жителей деревни, содержатся в Дозорной книге 1701 г. [РГАДА, ф. 214, кн. 1182].

В д. Ананьино, по материалам Дозорной книги 1701 г., почти все жители занимались хлебопашеством. Наиболее обширные пашенные угодья населения деревни располагались «в дуброве» вверх по речке Нюхоловке [Там же, л. 185–186]. Пашнями здесь владели «стрелец Иваш-

ко Мосеев, стрелец Федька Герасимов сын Неупокоев, литовской сотни казак Сенька Иванов сын Неупокоев» [Там же]. Вдвое меньше была запашка у *Стеньки Моисеева* и *Бориски Скуратова*. Оба они приходились племянниками *Микитке Мосееву*, владеющему пашней аналогичного размера [Там же, л. 187–187 об.]. Правом собственности на близлежащие земли обладали жители татарских юрт, что обусловило отдаленность пашни от населенного пункта. Востребованность же земледелия объясняется прежде всего общей экономической ситуацией в Тарском округе на протяжении XVII–XVIII вв. и нестабильностью в обеспечении хлебом служилого населения [Буцинский, 1999, с. 149–156].

Представленные фрагменты подтверждают наличие сложившегося крестьянского земледельческого опыта и указывают на то, что местное население располагало землями, позволяющими вести комплексное хозяйство. Здесь в начале XVII в., помимо земледелия, важную роль играло скотоводство. Жители деревни, как отмечается в источнике, разводили лишь три вида животных — лошадей, коров и овец. Аналогичный состав разводимых животных фиксируется и у городского населения Тары [Крих, 2014а, с. 94–98]. По археологическим данным отмечается, что в структуре домашнего скота преобладали крупный рогатый скот и свиньи, однако в архивных материалах свиньи не упоминаются, что может свидетельствовать о появлении их в хозяйстве в более поздний период [Tataurova, Krikh, 2015, с. 484]. Кроме того, по археологическим данным не фиксируется наличие лошадей, тогда как, по материалам Дозорной книги, в девяти хозяйствах было 14 лошадей, которые распределялись по дворам относительно равномерно. Около 2/3 хозяйств жителей Ананьино имели по две лошади, в 22 % хозяйств содержалось по одной лошади. Животноводческий комплекс жителей д. Ананьино дополнялся содержанием овец, однако их количество было весьма невелико [РГАДА, ф. 214, кн. 1182, л. 185–187 об.]. Здесь отсутствовали крупные хозяйства, занимающиеся животноводством, аналогичные хозяйствам тарских жителей Власа Черкашенина, Тихона Шмакова или Алексея Солдатова, структура которых была проанализирована А.А. Крих [2014а, с. 94–98].

Самое крупное хозяйство принадлежало «литовской сотни казаку Сеньке Иванову сын Неупокоеву» [РГАДА, ф. 214, кн. 1182, л. 185]. На размеры хозяйства, помимо сословной принадлежности владельца, влияли такие факторы, как давность проживания и состав семьи [Крих, 2014b, с. 86–90]. Влияние социального положения на хозяйственную деятельность связано с тем, что у служилого населения размер жалования зависел от статуса. Так, будучи конным казак, *Сенька Неупокоев*, в отличие от большей части своих однодеревенцев, получал жалование «денег семь рублей с четвертью», тогда как основная масса населения Ананьино относилась к другим категориям — стрельцам, пешим казакам и т.п., жалование которых составляло обычно «денег четыре рубля с четвертью» [РГАДА, ф. 214, кн. 1182, л. 185 об.–187 об.].

Помимо пашенных угодий и скота Неупокоевы владели обширными покосами, состоящими из двух частей: «Сенных у него покосов под деревней в лугу на сто копен да возле Ибейки речки — на сорок копен», при этом граница покосов, так же как в случае с пашенными угодьями, соприкасалась с землями татар. Единственный из упомянутых в Ананьино «скотских выпусков» также принадлежал Неупокоевым. Его размер составлял четыре десятины.

Однако часть покосов и покотины была приобретена С. Неупокоевым, судя по тексту Дозорной книги 1701 г., не совсем законным путем: «Взял он, Сенька, по челобитью своему на Таре из приказа на отцовскую старинную на горную распашную землю данную выпись своим одним именем. И в ту же выпись приписал общую их землю под горную покотинное место и сенные покосы, на которые им землю дана выпись 1691 года апреля 4 общей с ним, Сенькой, Неупокоевым». И в 1701 г. его племянники — «Федька да Савка Гарасимовы, Алешка Тимофеев, Ивашка да Гришка Федоровы дети Неупокоевы», а также другие родственники — «Ивашко Попов с братом, Микитка Мосеев с братом же и с племянником» потребовали пересмотреть границы покосов и выпасов. Итогом разбирательств по данному вопросу стало решение «владеть им порозвытошно всем поровну, кому по сколько копен достанется» [Там же, л. 185 об.]. Из всех участников конфликта сопоставимые по сенажу покосы отмечаются лишь у И. Попова, при этом, по всей видимости, речь идет именно о спорных землях. Покосами, позволяющими заготавливать аналогичное количество сена, обладал и Б. Скуратов, при этом скота у него было как минимум в два раза меньше. Оставшиеся жители деревни имели покосы по 40–50 копен, большая часть из которых являлась личной либо семейной собственностью. Исключение составлял стрелец *Федька Неупокоев*, покосы которого располагались на общественном «стрелецком лугу» [Там же, л. 185 об.–187 об.].

О возможностях изучения истории и хозяйства населения русских старожильческих поселений...

Как видно из сравнения приведенных данных с материалами Дозорной книги 1623 г., к началу XVIII в. у населения Ананьино площади покосов сократились почти вдвое. Подобное сокращение могло быть вызвано семейными разделениями, природно-климатическими изменениями, а также модификациями территории сенокосных угодий. Отметим также, что население Ананьино, как видно по границам сенокосных владений, владело наиболее удобными землями: в дубравах, луговых местах и приречных низменностях, где произрастали «мягкие и сочные травы, годные для корма скота» [РГИА, ф. 1265, оп. 1, д. 63, л. 41]. До середины XIX в. документы фиксируют важную роль сельского хозяйства у населения Ананьино и близлежащих населенных пунктов.

Структура хозяйства дополнялась также промыслами, чему благоприятствовали и природно-географические условия. Тарский округ на протяжении XVIII–XIX вв., как отмечается в литературе, являлся вторым по значению центром рыболовства в Тобольской губернии, именно поэтому в числе промысловых занятий рыболовство занимало доминирующие позиции [Разгон, 1998, с. 383]. Состояние рыболовства у населения Ананьино в момент существования деревни можно проиллюстрировать, опираясь на «Описные книги» *рыбных ловель* 1704–1705 гг. Данный источник ценен тем, что здесь указаны не только используемые снасти, но также социальная принадлежность, имя и фамилия хозяина рыболовных угодий, описаны сезон, способ вылова и разновидность рыбы (преимущественно «белая» рыба и карась) [Крих, 2014а, с. 96–97]. Анализ таможенных книг г. Тары за 1674–1675 и 1702–1703 гг. показывает товарный характер рыболовного промысла в семье Мосеевых. В 1703 г. встречается запись о том, что «казачий сын Степан Мосеев продал рыбы своей ловли <...> на 20 алтын» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1339, л. 508]. Однако этот промысел в исследуемом районе не имел товарного характера, удовлетворяя в основном нужды местных жителей. Небольшие объемы рыбного промысла и торговли рыбой в Туринске, Таре, Ишиме отмечает в своей работе и В.Н. Разгон [1998, с. 371–372].

Согласно данным «Описной книги» *рыбных ловель* 1704–1705 гг. в Ананьино рыболовные снасти фиксируются в каждой семье, в основном преобладают *сети* и *кривды*. Всего переписчик зарегистрировал 13 снастей: чуть больше 50 % из них составляли сети, 38 % — «кривды», тогда как «уды», используемые для зимнего лова, имелись лишь в одном хозяйстве [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1403, л. 622–622 об.]. В семьях Мосеевых и Поповых отмечено наличие сразу двух видов снастей в каждом из хозяйств, это свидетельствует о том, что рыбная ловля являлась для них важным подспорьем. Археологические находки позволяют говорить о более широком ассортименте рыболовных орудий: на памятнике были обнаружены свинцовая блесна и множество железных крючков разного размера; самоловы с крючками больших размеров, которые, судя по краеведческой литературе, могли использоваться для зимней ловли, и мордушки, изготовленные из прутьев и лучин [Tataurova, Krikh, 2015, с. 484–485].

Для выяснения специфики в использовании рыболовных снастей жителями деревни и их потомками на фоне старожильского населения и обозначения степени влияния разных факторов на развитие рыболовного промысла были привлечены материалы по другим населенным пунктам. Они представлены в основном работами краеведов, которые содержат детальные описания рыболовных снастей и способов охоты. Эти работы ценны наличием локальной терминологии. В «Воспоминаниях о рыбной ловле и охоте» А.В. Горобцова приведены описания летних и зимних снастей, а также такого универсального орудия рыбной ловли, как «вентерь»/«вентель»/«фитиль». Упоминаются и снасти, обозначенные в ранних источниках, например «уды» — удочки для подледного лова и самоловы [Архивный отдел Администрации Большереченского района Омской области, ф. 104, оп. 1, д. 15, л. 5].

Помимо рыбной ловли водные ресурсы позволяли местному населению заниматься мукомольным производством. В Ананьино, по данным Дозорной книги 1701 г., С. Неупокоев владел «мельницей мутовчатой на речке Пятове» [РГАДА, ф. 214, кн. 1182, л. 188]. Мутовчатые мельницы строились на мелких водостоках, не требуя устройства плотины. Они имели небольшую производительность, обеспечивали потребности двух-трех дворов [Булыгин, 1997, с. 74–76]. При необходимости в более производительных сооружениях ставили колесчатые мельницы, которые могли размалывать за сезон до 1500–2000 пудов зерна. Но для их установки нужно было устраивать плотину. Такая возможность была, например, у жителей г. Тары [РГАДА, ф. 214, кн. 1182, л. 135–135 об.]. Мельница подобного типа располагалась и в небольшом отдалении от Ананьино (в данном случае речь идет о мукомольной мельнице Екатерининского винокуренного завода) [РГИА, ф. 1265, оп. 1, д. 63, л. 38 об.–39]. Также в источниках есть упоминание о трех муко-

мельных мельницах, находившихся на участках аялыных татар д. Усть-Тарской на р. Зимовой. Принадлежали они крестьянину Кайсарову [ГУТО ГАТ, ф. И152, оп. 42, д. 159, 6 л.]. Однако сведения о них относятся к 1877 г., т.е. к тому времени, когда жители деревни уже практически разъехались.

Характеристика хозяйства была бы неполной без рассмотрения вопроса об участии населения Ананьино в торговле. Для выявления степени активности обменных операций в районе были привлечены архивные материалы, касающиеся ярмарок и торжков. Анализ документов и литературы показал, что в XVIII в. в Таре действовали три ярмарки. Основными участниками обменных операций были казаки и бухарцы, как местные, так и пришлые [ГУТО ГАТ, ф. И329, оп. 13, д. 363, л. 24–24 об.]. Несмотря на близость ярмарок, как видно из анализа таможенных книг г. Тары за 1674–1675 и 1702–1703 гг., до начала XVIII в. жители д. Ананьино в торговых операциях участия не принимали. Это, с одной стороны, могло быть связано с их постоянной занятостью по службе, а с другой — с тем, что основным местом торгового обмена для тарских служилых людей в начале XVIII в. стала Ямышевская ярмарка. Из числа жителей Тары, связанных с населением Ананьино, в документах упоминаются лишь Михаил и Иван Скуратовы, основным товаром у которых были предметы промысла — горностаи, а также такие традиционные для тарских служилых людей меновые товары, как сукно и кожи. В обмен они привозили в Тару сукно, обувь, мыло и пряники [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1339, л. 321–526 об.]. Как отмечает А.А. Крих, «Михаил был единственным из Скуратовых, кто в начале XVIII в. совмещал служебные поездки в Тобольск и соляные экспедиции к Ямышевскому озеру с торговыми операциями, вкладывая в торговлю дополнительные средства, получаемые от промысла горностаи своего непереманного на службу сына Ивана» [2016, с. 75]. Судя по всему, именно благодаря обменным операциям жители деревни могли обладать такими предметами, как обнаруженные в результате археологических работ: шелковыми тканями и бусами, хотя нельзя исключать и случайного попадания их на памятник [Крих, Чернова, 2015].

Кроме того, в источниках есть косвенные указания на то, что население д. Ананьино с начала до середины XIX в. поставляло хлеб «рожью или мукою» на Екатерининский винокурный завод. Поставки эти были добровольными или подрядными. В одном из описаний отражены средние цены за пуд муки с солодом в период 1805–1809 гг. В сравнении с другими заводами — Петровским, Успенским, Боровлянским, в Екатерининском они были самыми высокими [ГУТО ГАТ, ф. И329, оп. 13, д. 434, л. 15 об., 45].

Имевший место взаимообмен затрагивал и сферу животноводства. Так, в середине XIX в. Екатерининский завод принимал от населения соседствующих деревень скот на «прокорм бардою» зимою, «когда производится винокурение». «За эту барду платят контрагенту значительные деньги — за бочку до 10 копеек серебром» [РГИА, ф. 1265, оп. 1, д. 63, л. 45].

Во второй половине XIX в. население Ананьино начинает разъезжаться, при этом выбор нового места проживания во многом зависел от особенностей хозяйства. Семьи, занимающиеся преимущественно сельским хозяйством, уехали в другие старожильческие деревни вблизи Тары (Заливино, Черняево и др.), занимающиеся же главным образом рыболовным промыслом и охотой отправились дальше на север (например, в Сыщиково). Сближению населения Ананьино и Сыщиково мог поспособствовать и конфессиональный фактор: принадлежность к одному приходу — церкви во имя святых Петра и Павла, располагавшейся в с. Усть-Тара, а также установление брачных отношений между Скуратовыми и старообрядцами, проживающими в д. Сыщиковой [Крих, 2016, с. 81]. Кроме того, выбор нового места жительства мог быть обусловлен и стремлением быть ближе к городу и транспортной инфраструктуре, которые стали играть более ощутимую роль к XIX в. для жителей, тесно связанных с промыслами и сельским хозяйством.

Реконструкцию хозяйства можно было бы завершить на этапе исчезновения деревни, однако для комплексной характеристики устойчивости сообщества и определения состава потомков жителей Ананьино были привлечены материалы статистического учета населения. Сопоставив их с более ранними источниками, А.А. Крих составила генеалогические схемы, позволяющие четко обозначить пофамильный состав потомков жителей Ананьино в конце XIX — XX в. [2016]. Состояние их хозяйств можно частично восстановить по материалам Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., а также по данным похозяйственных книг [ГУТО ГАТ, ф. И417, оп. 2, д. 2400; Тф ИсАОО, ф. 137, оп. 1, д. 1; оп. 3, д. 2, 12, 17; ф. 369, оп. 1, д. 20].

Так, к примеру, у Скуратовых, оказавшихся в Сыщиково, по данным первичных материалов переписи 1897 г., основным занятием стала охота, у 7 из 14 глав семей в качестве побочного

О возможностях изучения истории и хозяйства населения русских старожильческих поселений...

занятия обозначено «охотник/охотник за зверем», еще у одного «промысел за зверем» является основным занятием. В числе побочных занятий также фиксируются «кузнец», «колесник», «овчинник» [ГУТО ГАТ, ф. И417, оп. 2, д. 2400, л. 15–15 об., 17–17 об., 26–26 об., 30–30 об., 48–48 об., 52–53 об., 56–56 об., 57–57 об., 59–62 об., 65–65 об.]. Проведенная чуть раньше подворная перепись, результаты которой по д. Сыщиковой были опубликованы в 1890 г., показала сохранение комплексности хозяйства с преобладанием лесного промысла, которым занимались хозяева 30 дворов, что составляет около 60 % по отношению к общему числу дворов. Развивалось здесь и сельское хозяйство. Статистические материалы свидетельствуют о сохранении его традиционной структуры с преобладанием животноводства [Соколов, 1890, с. 2, 11, 12, 96].

В д. Заливиной, где к середине XIX в. около 44 % населения составляли крестьяне, переселившиеся из д. Ананьино [Крих, 2016, с. 81], в 1897 г. проживало 5 семей Скуратовых и 11 семей Неупокоевых [ГУТО ГАТ, ф. И417, оп. 2, д. 2294, л. 14–14 об., 22–22 об., 33–33 об., 39–39 об., 50–51 об., 70–74 об., 78–78 об., 90–90 об., 95–95 об., 99–99 об., 105–105 об., 120–120 об.]. В структуре их хозяйственных занятий, помимо земледелия, у мужчин широко представлен бондарный промысел, а у женщин — «плетение/изделие сит». На этом фоне выделяются семьи Ивана Неупокоева, у которого в качестве основного занятия обозначена торговля деревянной посудой, и Семена Неупокоева, находящегося на золотых промыслах [Там же, л. 22–22 об., 78–78 об.]. Подобная специализация, как отмечает Н.Л. Скалозубов, в 1894 г. была характерна для Логиновской волости, где «многие жители <...> занимаются бондарным ремеслом, сбывая свои изделия в с. Вознесенском Каинского уезда» [1895, с. 78]. По сведениям Н.Л. Скалозубова, «работают больше на заказчиков из местных же крестьян; незначительная часть посуды сбывается непосредственно кустарями в Омске, Вознесенском, Спасском Тюкалинского уезда; за сотню посуды крупной — 160 рублей (бочки), 100 рублей (чаны, полубочья), 60–75 рублей (кадки)» [Там же, с. 60]. Отмечает автор и производство ободков для сит и отдельно — решетный промысел, указывая, что средняя производительность одного человека составляет около 300 ободков в год, цена же их — от 3,5 до 4,5 руб. за сотню, цена же решета доходит до 10 руб. за сотню [Там же, с. 60, 69]. Широкое распространение промыслов в этих деревнях, по мнению Н.Л. Скалозубова, связано с невысоким качеством здешних почв.

Вспомогательное значение в этот период имеет собирательство, развитию которого способствует близость винокуренного завода. Главным образом жители близлежащих по отношению к заводу деревень «со всей тщательностью» собирают дикий хмель «для продажи и домашнего употребления на пивоварение» [РГИА, ф. 1265, оп. 1, д. 63, л. 42 об.–43].

Более поздние материалы, освещающие традиционную культуру населения, носят фрагментарный характер. В основном привлекались данные полевых этнографических исследований, в рамках которых опрашивались как прямые потомки жителей д. Ананьино, так и жители тех населенных пунктов, куда разъехалось население исследуемой деревни. Использовались вопросники по истории населенного пункта, хозяйству, семейной обрядности, дополненные блоками вопросов о семейной истории, истории переселений, взаимоотношениях с принимающим сообществом. Указанные методики, апробированные в рамках этнографических и устно-исторических исследований [Щеглова, 2011], позволили частично восстановить некоторые элементы культуры жизнеобеспечения. Среди факторов, повлиявших на формирование материальной культуры данного сообщества, стоит отметить прежде всего семейные традиции и связи. Как следует из полевых этнографических данных, подкрепленных генеалогическими и архивными изысканиями, широко распространенными в данном сообществе были многопоколенные и многодетные семьи. До первой половины XX в. этот фактор способствовал сохранению домов-связей, близких по типу к жилищам, обнаруженным на памятнике Ананьино-I [Tataurova, Krikh, 2015, с. 483], а также архаичного обычая «помочей», использовавшегося в случаях строительства дома и при сооружении глинобитных печей. В нем принимали участие только родственники. Начиная с 1946 г. на фоне активизации процессов разделения семей начинаются изменения в традициях домостроительства — широкое распространение получают пятистенки.

Современные визуальные и полевые материалы позволяют выделить в планировке подворья черты, большинство из которых часто встречается у старожильческого населения: наличие палисадников, в ряде случаев — крытого двора, большие огороды. На подворье располагались баня и амбар. У жителей д. Сыщиково, в том числе у Скуратовых, на протяжении длительного времени сохраняются заплоты. Для их сооружения обычно использовали осину или сосну. При строительстве домов предпочтение все же отдавали хвойным породам древесины, старались

выбирать деревья большого диаметра. К сожалению, информанты не располагают данными о способах отбора древесины для строительства.

Дискуссионным является вопрос использования дерна при сооружении хозяйственных построек. Несмотря на то, что указанная технология прослеживается в источниках 1950–1970-х гг., более ранние материалы, переписи 1897 г., свидетельствуют об исключительном применении древесины: в д. Сышиково у всех Скуратовых дома деревянные, крытые деревом или тесом, крыша из земли встречается лишь в хозяйстве незаконнорожденного Софрона Скуратова, проживающего с матерью и сестрой в д. Заливино [ГУТО ГАТ, ф. И417, оп. 2, д. 2294, л. 105–105 об.].

Этнографические данные демонстрируют формирование и закрепление специфических наименований, обусловленных процессом расселения жителей д. Ананьино в близлежащие населенные пункты. В д. Нагорное Тарского района Омской области к их числу относится Скуратов мост [МЭЭ ОмГУ 2015, п.о. 5, л. 2 об.].

В целом, завершая характеристику истории и хозяйства жителей Ананьино и их потомков, отметим, что освещение этих вопросов требует привлечения широкого круга источников. При их изучении в случае исчезнувших населенных пунктов необходим подготовительный этап, основное содержание которого будет составлять географическая и социальная локализация сообщества. Здесь неоценимую помощь исследователю могут оказать картографические материалы, а также данные фискального учета населения. Следующим шагом является составление программы изучения материальной культуры и представлений об этносоциальной истории [Щеглова, 2011]. Ее важными параметрами будут выявление условий формирования населения и влияние социальных особенностей на хозяйственную сферу, изучение связей населения и структурные характеристики хозяйства.

Наличие информации о деревне Ананьино в обнаруженных источниках обусловлено несколькими факторами, в числе которых большое значение имеют ее близость к городу и развитая система государственного фискального учета. Благодаря этому наиболее точные описания хозяйственного комплекса присутствуют в источниках, относящихся к периоду существования деревни. Более поздние материалы в силу фрагментарности сведений требуют включения в широкий историко-социальный контекст. Источники фиксируют влияние природно-географических и социальных факторов на хозяйственную сферу, а также позволяют проследить изменения усадебного комплекса, его стремление к унификации, обусловленные в основном социально-культурной трансформацией исследуемого сообщества. Что касается промысловой сферы, отметим, что под влиянием государственной политики в 1930–1940-е гг. охота и рыбалка в личном подсобном хозяйстве уступают место животноводству и огородничеству, охота же приобретает коллективно-организованный характер. Начиная со второй половины XX в. в широкий обиход входят огнестрельное оружие и покупные рыболовные снасти, которые приобретали в основном в г. Омске. К концу XX в. ряд орудий рыбной ловли и способов охоты переходят в разряд браконьерских, что затрудняет их использование, изменяется состав объектов охоты и рыбной ловли.

Мы видим, что хозяйственная специализация и установление разветвленных семейных связей как внутри деревни, так и за ее пределами повлияли на процесс расселения жителей Ананьино. Сословное положение обусловило специфику хозяйственной и бытовой жизни обитателей деревни: с принадлежностью к служилому сословию связаны частые отлучки, а с недостаточно высоким положением — невозможность использования наемного труда и необходимость заниматься сельским хозяйством и промыслами, являвшимися основными способами обеспечить средства к существованию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Архивный отдел Администрации Большереченского района Омской области. Ф. 104. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.
ГУТО ГАТ. Ф. И152. Оп. 42. Д. 159.
ГУТО ГАТ. Ф. И329. Оп. 13. Д. 363, 434.
ГУТО ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 2294, 2400.
Материалы этнографической экспедиции ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2015. П.о. 5. Л. 2 об.
РГАДА. Ф. 214. Кн. 1182.
РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1339, 1403.
РГИА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 906.

О возможностях изучения истории и хозяйства населения русских старожильческих поселений...

РГИА. Ф. 380. Оп. 33. Д. 149.
РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 63.
ТФ ИсаОО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1.
ТФ ИсаОО. Ф. 137. Оп. 3. Д. 2, 12, 17.
ТФ ИсаОО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20.

Литература

- Булыгин Ю.С. Приписная деревня Алтая в XVII в.: В 2 ч. Ч. 2. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1997. 154 с.
- Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 328 с.
- Крих А.А. Возможности письменных источников XVIII века для реконструкции культуры жизнеобеспечения русских сибиряков (на примере Тарского Прииртышья) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014а. С. 94–98.
- Крих А.А. Этносоциальная история русского населения д. Ананьино в XVII–XIX вв. // Вестник ОмГУ. Сер. Ист. науки. 2014b. № 4. С. 86–90.
- Крих А.А. Русское население Тарского Прииртышья: Историко-генеалогические очерки (XVII — начало XX века). Омск: Наука, 2016. 263 с.
- Крих А.А., Чернова И.В. Десять лет исследования старожильской деревни Ананьино // Вестник ОмГУ. Сер. Историч. науки. 2015. № 4. С. 230–234.
- Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII — первой половине XIX в.: Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. 660 с.
- Скалозубов Н.Л. Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии. Тобольск: Тип. Епарх. братства, 1895. 110 с.
- Соколов П.И. Экономический быт государственных крестьян Тарского округа Тобольской губернии. Ч. 1 // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1890. Вып. 7. 139 с.
- Щеглова Т.К. Устная история. Барнаул: АлтГПА, 2011. 364 с.
- Tataurova L.V., Krikh A.A. The life support system of the Siberian village Anan'ino in XVII–XIII centuries: (Archaeological and written sources) // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 37. Iss. 3. P. 479–490.

I.V. Chernova

Omsk, Dostoevsky Omsk State University
Mira Avenue, 55, Omsk, 644077, Russian Federation
E-mail: ChernovaIV@omsu.ru

ON POSSIBILITIES OF STUDYING HISTORY AND HOUSEHOLD OF RUSSIAN SETTLEMENTS OF LONG-TERM RESIDENTS IN THE IRTYSH RIVER REGION NEAR OMSK IN THE XVIII–XX CENTURIES ON THE EXAMPLE OF THE VILLAGE OF ANANYINO

The article is aimed to analyze possibilities of combining written, cartographic and ethnographic sources for studying history and problems of formation and development of household complexes of long-term resident settlements in the Irtysh River region near Omsk in the XVIII–XX centuries. The main object of the study is the village of Ananyino, which does not exist nowadays. Its study helped to overcome the problem of fragmentation of collective memory in case a unified community disappears. The paper describes the living place of the members of the community and its borders. Relatively precise localization allows us to specify the nature of established links between the population of Ananyino and nearby settlements. A comparison of written and ethnographic materials makes it possible to identify a degree of influence of external factors on the development of key sectors of the household of the long-term residents in the area under consideration, as well as to specify the role of agriculture, animal husbandry and fishing in the structure of the household. At the same time, the article describes the process of searching for and analysis of the source base within the local interdisciplinary studies. The materials demonstrate an important role of the state fiscal policy in the development of all spheres of the economic complex in the XVIII–XX centuries: fishing equipment presented in the sources, social and economic stratification of the population, which consisted mostly of service-men in the XVIII–XIX centuries, were formed under its influence. In addition, the sources indicate that in spite of the abundance of fairs and active exchange of goods carried out by the population of Tara, the residents of Ananyino didn't participate in it. Available materials also reveal the presence of specialization of individual farms, which began to take shape in the XVIII — first half of the XIX century and affected migrational processes in the course of further settlement of Ananyino residents after the village disappeared.

Key words: economy of the Russian population of Western Siberia, Irtysh River region near Omsk, Russian long-term residents, local studies.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-118-126

REFERENCES

- Bulygin Iu.S., 1997. *Pripisnaia derevnia Altaia v XVII veke* [Assigned village in Altai region in the XVII century], vol. 2, Barnaul: Izd-vo AltGU, 154 p.
- Butskinskii P.N., 1999. *Zaselenie Sibiri i byt pervykh ee nasei'nikov* [Colonization of Siberia and everyday life of its first population], Tiumen': Izd-vo Iu. Mandriki, 328 p.
- Krikh A.A., 2014a. *Vozmozhnosti pis'mennykh istochnikov XVIII veka dlia rekonstruktsii kul'tury zhizneobespecheniia russkikh sibiriaikov (na primere Tarskogo Priirtysh'ia)* [Capabilities of written sources of the XVIII century for reconstruction of life support culture of Russian Siberians (the Irtysh River area near Tara)]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniiaakh*, Omsk; Tiumen'; Ekaterinburg: Magellan, pp. 94–98.
- Krikh A.A., 2014b. *Etnosotsial'naia istoriia russkogo naseleniia d. Anan'ino v XVII–XIX vekakh* [Ethno-social history of the Russian population of the village of Ananyino in the XVII–XIX centuries]. *Vestnik OmGU*, Seriiia Istoricheskie nauki, no. 4, pp. 86–90.
- Krikh A.A., 2016. *Russkoe naselenie Tarskogo Priirtysh'ia: Istoriko-genealogicheskie ocherki (XVII — nachalo XX veka)* [The Russian population of the Irtysh River area near Tara: Historical and genealogical essays (XVII — beginning of the XX century)], Omsk: Nauka, 263 p.
- Razgon V.N., 1998. *Sibirskoe kupechestvo v XVIII — pervoi polovine XIX v.: Regional'nyi aspekt predprinimatel'stva traditsionnogo tipa* [Siberian merchantry in the XVIII — first half of the XIX century: Regional dimension of a traditional type of business], Barnaul: Izd-vo AltGU, 660 p.
- Skalozubov N.L., 1895. *Opyt obzora krest'ianskikh promyslov Tobol'skoi gubernii* [A review of peasant industries in Tobolsk Province], Tobol'sk: Tipografiia Eparkhial'nogo bratstva, 110 p.
- Sokolov P.I., 1890. *Ekonomicheskii byt gosudarstvennykh krest'ian Tarskogo okruga Tobol'skoi gubernii. Ch. 1* [Economic life of state peasants in Tara district of Tobolsk Province]. *Materialy dlia izucheniia ekonomicheskogo byta gosudarstvennykh krest'ian i inorodtsev Zapadnoi Sibiri*, 7, St. Petersburg: Tipografiia V. Bezobrazova, 139 p.
- Shcheglova T.K., 2011. *Ustnaia istoriia* [Oral history], Barnaul: Altaiskaia gosudarstvennaia akademiia, 364 p.
- Tataurova L.V., Krikh A.A., 2015. The life support system of the Siberian village Anan'ino in XVII–XIII centuries: (Archaeological and written sources). *Bylye Gody*, vol. 37, iss. 3, pp. 479–490.